



---

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

---

УДК 821.161.1-21.09«1757»

**А.Н. Пашкуров**

### НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ РОССИИ В ДРАМЕ А.П. СУМАРОКОВА «ПУСТЫННИК» (1757)

В статье рассматривается своеобразие эксперимента Александра Сумарокова в жанре драмы на примере малоизвестной пьесы драматурга «Пустынник» (1757). В центре нашего внимания – генезис и эволюция в данном драматургическом произведении идейно-философской позиции писателя. При том, что определенным образом А.П. Сумароков наследует традиции житийной поэтики, главное для него – представить систему новой национальной мифологии России. Важнейшими основами национального мифа выступают: концепты Долга, Пользы, новой гражданской религиозности. В сравнении с другими пьесами Сумарокова-драматурга, в «Пустыннике» на первый план выходит внутреннее действие, а не внешнее. Ключевые психологические коллизии в сюжетике пьесы связаны с проблемой нравственного выбора. Однако, в отличие от древнерусского этического идеала, теперь этот вопрос соотносится с новой идеологией личной карьерной выгоды. Уход героя от мира начинает восприниматься не столько как нравственный подвиг, сколько как сознательный переход на более высокий уровень служения обществу и государству.

В этой связи и отказ от мирской суеты и богатства пропагандируется как необходимая и полезная гражданственная благотворительность. В итоге Сумароковым оказалась запечатлена одна из первых стадий процесса духовного кризиса нового российского общества, попытавшегося осуществить подмену/замену надвременных нравственных ценностей в системе «человек – Бог» на диалог-союз идеологии успешной личности и светского государства.

*жанр драмы, житийные традиции, национальный миф, светская идеология, А.П. Сумароков.*

Александр Сумароков – один из наиболее интересных и последовательных предшественников Гавриила Державина – и прежде всего, в том отношении, что и ключевое для XVIII века понятие общественной пользы, и свое представление о цельной системе национальной доктрины привык устойчиво соотносить со своим «я».

Именно А.П. Сумароков, самый, пожалуй, планомерно-методичный русский классицист, первым повел решительное наступление с флангов отечественной словесности на цитадель новой государственной политики, воздвигаемую императрицей, яркими и дерзкими примерами чему могут служить как замысленное им театральное действие «Торжествующая Минерва», так и, несколько позже, жесткая критика «Наказа Екатерины II» для комиссии по новому Уложению. Таково в общих чертах первое русло его трудов по созданию национально-государственной мифологии через свою личность, мифологизацию своего «я». «Сумароков – бич пороков», как афористично шутили современники; можем добавить: Сумароков – строгий взыскательный наставник-лектор власти.

Второе русло разработок А.П. Сумарокова в этом плане – рефренное, устойчивое соотношение своего литературного труда с экономической ситуацией в стране, соотношение, в аналитическом ходе которого рождается парадоксальное заключение о том, что именно произведения его, Александра Петровича Сумарокова, суть один из немногих надежных залогов стабильности доходов всего Российского государства – так, известно дерзкое его суждение: «Своими сочинениями... я приношу более казенного дохода, нежели удельная деревня».

Третий момент заключается, по мнению нашего героя, в том, что его высшая миссия – в пропаганде России и ее культуры в мире, в создании образцов, равновеликих эталонам Европы: «Северный Расин», «росский Лафонтен» – эти почетные титулы, с удовольствием принятые писателем на себя, отражают его выдающиеся роли в мировой драматургии и басенной традиции, соответственно вслед за чем неминуемо грянет ответная реакция – мировое признание, мировая слава, причем – на долгие надежные века: «А мне хвалу сплетет Европа и потомки...» (так заканчивается начавшаяся раздумьями элегия «Страдай, прискорбный дух...»). Интересно, что в современном «сумарокововедении» два аспекта мифологизации в деятельности писателя уже выявлены и планомерно исследуются: мифология власти и мифология созидания новой словесности России<sup>1</sup>.

Действенной многого в деле создания национальной мифологической доктрины России – обращение к урокам Истории, в этом Сумароков предвосхищает уже не только Державина, но и Карамзина. О системе сумароковских исторических трагедий написано весьма немало, особенно – об итоговой для его творчества пьесе «Дмитрий Самозванец».

Драма «Пустынник» (1757) в этом «окружении» стоит и смотрится много скромнее: и жанр не столь масштабно-идеологичен, и искания главного героя устремлены не в общественно-полезное «вовне», а более – вглубь себя и к общефилософским проблемам Бытия. Тем не менее, мифологические стратегии – налицо, ибо драматург обращается здесь к переосмыслению одного из ведущих жанров идеологии древнерусской культуры – жития<sup>2</sup>.

К настоящему времени в научных интерпретациях этого не очень широко известного драматургического сочинения А.П. Сумарокова представлены три ракурса рассмотрения:

1. «Пустынник» как диалог русского автора с традицией европейского классицизма и, в частности, с пьесой Пьера Корнеля «Мученик Полиевкт» (Сумароков, уже после завершения работы над «Пустынником», осуществил избранный перевод некоторых ключевых сцен из творения своего французского предтечи). Параллель «Сумароков – Корнель» впервые была подмечена П.Н. Берковым и далее развита Ю.В. Стенником<sup>3</sup>.

2. «Пустынник» как фактически первый опыт русской драматургии в периферийном для классицизма жанре драмы. Истоки концепции – в наблюдениях известного филолога В.Н. Всеволодского-Гернгросса<sup>4</sup>.

3. Пьеса Сумарокова как полилог (по принципу «согласие – оспаривание») с системой эстетики мирового классицизма в целом. Такая точка зрения представлена в монографической статье М. Левитта, опубликованной в русском переводе в одном из сборников ленинградской и петербургской академической серии «XVIII век» в 1993 году<sup>5</sup>.

И все же все эти бесспорно верные суждения каждое в отдельности захватывают лишь один определенный «сегмент» поэтики и идеологии сумароковской драмы. Многое прояснить, на наш взгляд, позволит как раз анализ пьесы с точки зрения формирования и эволюции в ней национального мифа.

Начнем с того, что при всей подчеркнутой вымышленности обстановки и персонажей (хотя действие и происходит в Древней Руси, большинству героев автор дает церковные греческие имена) через одну из ремарок-характеристик в перечне действующих лиц конкретная «привязка» к эпохе все-таки налицо: отец главного героя, пустынника Евмения, Дометиян – «боярин Владимир». Из монологов сына по ходу событий мы увидим, что проблема «свержения идолов»

---

<sup>1</sup> Абрамзон Т.Е. Одиические амплуа Петра Великого в мифологии власти А.П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб. ; Самара : Изд-во «НТЦ», 2007. Вып. 13. С. 122–132 ; Гуськов Н.А. А.П. Сумароков в мифе о создании русской литературы // Мир русского слова. 2013. Вып. 4. С. 58–66.

<sup>2</sup> Эксперименты писателя в смежном идеологическом русле – молитвословия псалмодической лирики – интересно комплексно рассмотрены в недавнем сборнике материалов юбилейной Сумароковской конференции, проводившейся Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина (Москва). См., например: Июльская Е.Г. «К тебе, о Боже мой, я ныне вопию» (цикл молитвословий А.П. Сумарокова) // Творчество А.П. Сумарокова в контексте мировой литературы : сб. науч. работ, подготовленный по материалам конф., посвященной творчеству А.П. Сумарокова (17 декабря 2008 года) / отв. ред. С.Н. Травников. М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2009. С. 164–169 ; Донская Н.А. Медитативна ли псалмодическая лирика А.П. Сумарокова // Там же. С. 92–100.

<sup>3</sup> Берков П.Н. Комментарий: Сумароков. Переводы. Пьер Корнель. Полиевкт. Монолог Полиевкта // Сумароков А.П. Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1957. С. 575 (Библиотека поэта ; 2-е изд.) ; Стенник Ю.В. Сумароков-драматург // Сумароков А.П. Драматические сочинения. Л. : Искусство, 1990. С. 29–30, 475. Полная электронная версия – см.: URL : [http://az.lib.ru/s/sumarokow\\_a\\_p/text\\_0250.shtml](http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0250.shtml)

<sup>4</sup> Всеволодский-Гернгросс В.Н. Русский театр от истоков до середины XVIII века. М. : АН СССР, 1957. 262 с.

<sup>5</sup> Левитт М. Драма Сумарокова «Пустынник». К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма // XVIII век. Сб. 18. СПб. : Наука, 1993. С. 59–74.

еще отнюдь не потеряла в сознании героев своей трагической остроты, они ясно помнят это время («Повергли идолов в стране мы сей прехвально...»<sup>6</sup>, – размышляет сам Евмений).

Итак, действие драмы происходит в недалеком будущем после принятия князем Владимиром христианства. Таким образом, пьеса А.П. Сумарокова оказывается прямой наследницей самого первого мифолого-идеологического произведения XVIII столетия – трагедокомедии Феофана Прокоповича «Владимир», в которой рассказывалось о самом непростом и драматичном действе вхождения Руси в новую веру<sup>7</sup>.

Вторым базисом национальной мифологии в доктрине пьесы Сумарокова, безусловно, нужно будет признать проблему Веры и Неверия. В сравнении с немногосложной, но экспрессивной динамикой внешних действий в других драматургических произведениях писателя, здесь перед нами – очевидная доминанта внутреннего, психологического над непосредственно-событийным. Собственно говоря, весь «Пустынный» – это череда встреч заглавного героя с его близкими, пытающимися вернуть его в мир. Парадокс в том, что все благие увещания (вернуться в семью и в светскую жизнь) предстают теперь, в свете новой аксиологии Пустынника, лишь ненужным и опасным искушением, в результате чего даже прежде близкие люди разительно начинают напоминать языческих жрецов и бесов из «Владимира» Прокоповича. Сравним жесткий диалог Евмения и друга семьи Исидора: «Престань противиться природе: / Дам место первое тебе во всем народе» – «Ничто не искусит уж младости моей... / Так прелести уж нет над сердцем больше власти...»<sup>8</sup> (заметим, что у премудрого Феофана Прелести были даже персонифицированы, вторгаясь как одушевленные персонажи в мир пьесы!).

В беседе Пустынника со своим братом, Висарионом, диспут переходит на уровень проблемы истинной и неистинной Веры. Висарион отстаивает удобно расхожее представление о пользе и удовольствиях жизни в миру, утверждая спокойную и свободную возможность сочетания Веры со всем этим: «Кто хочет Господа благодарить когда, / И в мире учинить то может он всегда; / Иметь его в уме ничто не запрещает...»<sup>9</sup>. Более того, излишняя аскеза, по мнению брата главного героя, неизбежно ведет к нарастанию вины человека перед ближайшим своим окружением, а стало быть – и к нарушению заветов Бога: так, Евмений «...в виновностях своих пред нею [супругой Парфенией] неисчетен / И в том пред Богом... (быть не может. – А. П.) безответен...»<sup>10</sup>. В ответах Евмения выстраивается целая доктрина, интересно предвосхищающая... представления Николая Гоголя о чередовании периодов «белого» (среди людей) и «черного» («монашествующего») христианства: «Я свету отдал долг и оставляю свет, / Бегу мирских сует...»<sup>11</sup>.

Резко осложняется ситуация двумя моментами.

Первый заключается в том, что древнерусскому подвижнику не удастся освободиться от идеологии эпохи придумавшего его автора – так Евмений во главу угла начинает ставить Долг в его классическом классицистическом понимании: «Отечество и князь мою имели дань...»<sup>12</sup>. Долг-жертва во имя Творца просто предстает теперь в иерархии ценностей как нечто более высокого ранга: «В пучину и во огонь я ввергнусь за него...»<sup>13</sup>.

В отличие от многих святых в древнерусских житиях, Евмений отнюдь не у истоков жизни пришел к вере: «Днепровы бреги», сам князь Владимир и родной герою Киев – живые свидетели его недавней активнейшей и часто воинствующей деятельности, полной насилия: предстоящий Пустынный «...часто отвращал враждебные набеги», был очевидцем и участником того, «...когда кончалась брань [битва]...», жил «во всенародном шуме...»<sup>14</sup>. Путь к Богу главный герой опять же избрал доктринальный, с четкой и всемерно поощряемой классицизмом властью рассудка, почему и говорит в монологах о классической борьбе страстей и разума: «Воюют страсти все противу сил моих» – «Но разум надо мной имеет большу власть...»<sup>15</sup>.

---

<sup>6</sup> Сумароков А.П. Пустынный. URL : [http://az.lib.ru/s/sumarokow\\_a\\_p/text\\_0200.shtml](http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0200.shtml) (дата обращения: 15.05.2017).

<sup>7</sup> Буранок О.М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века : моногр. М. : Флинта : Наука, 2014. 448 с.

<sup>8</sup> Сумароков А.П. Пустынный.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Сумароков А.П. Пустынный.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Там же.

Вершиной становится показательная мольба к Богу: и самую любовь к Нему помочь человеку-подвижнику укрепить – через ratio: «Наполни разум мой любовью святою...»<sup>16</sup>.

Таким образом, на стыке рассматриваемых нами явлений (вос)создается феномен гражданственно-религиозного национального мифа, превратить который в главенствующий вектор жизни страны хотел еще Петр Первый.

Немаловажный реликт петровской идеологии, возможно, и не до конца осознанно внесенный в пьесу Сумароковым, – идеология личной карьерной выгоды/пользы: «Бегу мирских сует, / Чтоб я Создателю еще был больше нравен...»<sup>17</sup> – трудно сказать более прагматично, нежели это делает сам Пустынник.

Второй важнейший из новых моментов в поэтике пьесы – осложнение доктрины мифа достаточно разветвленной психологической палитрой.

Так, поступок Евмения объясняется его братом Висарионом как резкий приступ эгоизма, в угоду которому Пустынник приносит суть жизни всех окружающих: «К спасенью своему ты зверством приступаешь, / В свирепстве против нас безвинных утопаешь...»<sup>18</sup> (курсив наш. – А. П.). Как высшая мольба в понимании Висариона, а в глазах Евмения – более как тяжкое искушение, выглядит и то, что брат становится перед братом на колени!<sup>19</sup>

По ходу событий обнаруживается, что Пустынник отнюдь не так тверд в своем выборе, как мечтает – так рождается мотив колебаний и смятения: «Мятеся весь мой дух, тревожится вся кровь...»<sup>20</sup>. Единственное спасение в таком зыбком и в значительной степени искаженном нравственном мире, – если Творец вернет в сознание своего раба четкую, идентичную по сути знакомой ему государственной доктрине, программу Следования Закону: «И дай хранити мне божественный закон, / О прежнем счастье уже не сокрушаться / И только лишь тобой единым утешаться...»<sup>21</sup>.

Мотив испытаний (в каноне жития – святого / стремящегося к этому чину) в «Пустыннике» кульминации достигает в сцене Евмения с супругой. И вновь налицо показательный «прорыв» примет Нового времени в изначально житийную ситуацию.

Парфения, в отличие от всех предыдущих «парламентеров», не ограничивается философствованиями, жалобами и увещаниями, а переходит и к открытым действиям: строго и определенно заклеив бывшего мужа как губителя/убийцу ее жизни («О коль бесчеловечно / Имеешь сердце ты! / Определил любезной / От младости пребыть до смерти в жизни слезной!»<sup>22</sup>), угрожает... убить себя на его глазах, если он не одумается.

В этой краткой авторской ремарке, предшествующей самой решительной реплике героини, кроется фокусировка многих секретов действия и полифонизма позиции Сумарокова-драматурга, ибо молодая женщина прибегает к помощи излюбленного классицистической трагедией оружия – кинжала.

В сумароковских пьесах «вокруг» «Пустынника» появление «кинжальной развязки» сводилось к двум типологическим вариантам: либо безвинному идеальному герою угрожала в таком обличье расправа со стороны злодея-тирана, либо же сам герой, чаще всего попав в идеологический тупик, готовился лишиться себя жизни<sup>23</sup> (оба подобных случая сведены воедино, к примеру, в самой известной поздней трагедии А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» – в смысловой паре «Самозванец – княжна Ксения»).

Здесь это – явление более сложного психологического порядка: Парфения (почти) готова к самоубийству, но не из-за своего сомнения / нравственного тупика, а в наказание за таковые, как она считает, у Евмения..!

Событие-апогей не заставляет себя ждать. И вновь – подано оно драматургом в единстве нескольких противоречивых начал, в дипластии:

---

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Интересно, что М. Левитт в свое время, исследуя поэтику сумароковской пьесы, сделал подстраничное примечание о возможном влиянии на мотив искушения в ней – канонического «Жития Феодосия Печерского». Подробнее см.: Левитт М. Драма Сумарокова «Пустынник» ... С. 63.

<sup>20</sup> Сумароков А.П. Пустынник.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Сумароков А.П. Пустынник.

<sup>23</sup> Подробнее см. в том числе: Вишневская И. Аплодисменты в прошлое. А.П. Сумароков и его трагедии. М. : Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 1996. 264 с.

а) искушение от Парфении – «пробивает брешь» в неколебимом кредо Пустынника, причем настолько, что он вдруг решается, сам!, на тяжелейший грех самоубийства («От райских я дверей свергаюся во ад! (Поднимает кинжал на себя)»<sup>24</sup>);

б) слабость мужа перевоплощается в духовный порыв жены – и Парфения сама принимает решение идти стезей духовного подвижничества: «Глас Вышнего и мне устав уже вселяет, / И что исполнить, он то определяет. / Евмений, следуй ты блаженству своему, / А я последую примеру твоему...»<sup>25</sup>.

Удивительно то, что подобное прозрение в современной Сумарокову драматургии было доступно произведениям лишь одной жанровой модели – и модели, весьма далекой от трагедии или драмы: это – комическая опера, с неперменным счастливым музыкальным финалом<sup>26</sup> (классический образец, к примеру, «Анюта» М.И. Попова).

Финальное преобразование/изменение взгляда на жизнь и у родителей Пустынника – на первый взгляд, наследование канонической житийной формулы (вспомним, что смирилась и встала на путь сына мать Феодосия Печерского). Однако, если мы всмотримся глубже, то обнаружим, что и здесь противоречивейший XVIII век, «столетье безумно и мудро», по определению А.Н. Радищева, напечатлел свой четкий идеологический след.

Евмений, с глубокой радостью принимая неожиданное решение всех своих близких, разворачивает перед ними четкую программу «гражданственной благотворительности»: их обязанность – отнюдь не только и не просто в том, чтобы отречься от мирской роскоши, а направить прежнее «богачество» на помощь истинным гражданам-патриотам нового государства (параллель Петровской и послепетровской России с Русью времен Владимира Крестителя, напомним, была заложена еще Феофаном Прокоповичем!). «Вспоминать пред Богом завсегда» (здесь читай: «признавать достойными высокого чина в свете новой аксиологии») Евмений обещает своих родных и близких в том случае, если они создадут «...на сокровищи... дом сии / Убогим, кои кровь нещадно проливали, / Когда за свой народ неробко воевали»<sup>27</sup>.

Как видим, новая мораль одерживает в сознании и героев, и драматурга убедительный верх над прежней, веками освященной духовно-нравственной традицией. Искания, метания и трагический конец самого А.П. Сумарокова в горьком безверии и забвении – увь, логический ответ и закономерное завершение мифа, в основе которого – подмена главных ценностных понятий духовности. Иными словами, в драме «Пустынник», при внешнем ее сходстве с житийной традицией, на деле запечатлен оказался первый виток трагедии XVIII века, попытавшегося на идеологическом уровне оспорить и опрокинуть прежние устои.

#### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Абрамзон, Т.Е. Одические ампула Петра Великого в мифологии власти А.П. Сумарокова [Текст] // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – СПб. ; Самара : Изд-во «НТЦ», 2007. – Вып. 13. – С. 122–132.
2. Берков, П.Н. Комментарий: Сумароков. Переводы. Пьер Корнель. Полиевкт. Монолог Полиевкта [Текст] // Сумароков А.П. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1957. – С. 513–577. – (Библиотека поэта ; 2-е изд.).
3. Буранок, О.М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века [Текст] : моногр. – М. : Флинта : Наука, 2014. – 448 с.
4. Вишневская, И. Аплодисменты в прошлое. А.П. Сумароков и его трагедии [Текст] : моногр. – М. : Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 1996. – 264 с.
5. Всеволодский-Гернгросс, В.Н. Русский театр от истоков до середины XVIII века [Текст] : моногр. – М. : АН СССР, 1957. – 262 с.
6. Гуськов, Н.А. А.П. Сумароков в мифе о создании русской литературы [Текст] // Мир русского слова. – 2013. – Вып. 4. – С. 58–66.
7. Донская, Н.А. Медитативна ли псалмодическая лирика А.П. Сумарокова [Текст] // Творчество А.П. Сумарокова в контексте мировой литературы : сб. науч. работ, подготовленный по материалам конф., посвященной творчеству А.П. Сумарокова (17 декабря 2008 года) / отв. ред. С.Н. Травников. – М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2009. – С. 92–100.

<sup>24</sup> Сумароков А.П. Пустынник.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Немировская И.Д. Жанр русской комической оперы последней трети XVIII века: Генезис. Поэтика. Эволюция. Самара : Самар. гос. пед. ун-т, 2007. 97 с.

<sup>27</sup> Сумароков А.П. Пустынник.

8. Июльская, Е.Г. «К тебе, о Боже мой, я ныне вопию» (цикл молитвословий А.П. Сумарокова) [Текст] // Творчество А.П. Сумарокова в контексте мировой литературы : сб. науч. работ, подготовленный по материалам конф., посвященной творчеству А.П. Сумарокова (17 декабря 2008 года) / отв. ред. С.Н. Травников. – М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2009. – С. 164–169.
9. Левитт, М. Драма Сумарокова «Пустынный». К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма [Текст] // XVIII век. – СПб. : Наука, 1993. – Сб. 18. – С. 59–74.
10. Немировская, И.Д. Жанр русской комической оперы последней трети XVIII века: Генезис. Поэтика. Эволюция [Текст] : учеб. пособие. – Самара : Самар. гос. пед. ун-т, 2007. – 97 с.
11. Стенник, Ю.В. Сумароков-драматург [Электронный ресурс] // Сумароков А.П. Драматические сочинения. – Л. : Искусство, 1990. – Режим доступа : [http://az.lib.ru/s/sumarokow\\_a\\_p/text\\_0250.shtml](http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0250.shtml) (дата обращения: 15.05.2017).
12. Сумароков, А.П. Пустынный [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://az.lib.ru/s/sumarokow\\_a\\_p/text\\_0200.shtml](http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0200.shtml) (дата обращения: 15.05.2017).

#### REFERENCES

1. Abramzon, T.E. Odicheskie amplua Petra Velikogo v mifologii vlasti A.P. Sumarokova [Text] // Problemy izucheniya russkoy literatury XVIII veka. – SPb. ; Samara : Izd-vo “NTC”, 2007. – Vyp. 13. – S. 122–132.
2. Berkov, P.N. Kommentariy: Sumarokov. Perevody. P'er Kornel'. Polievkt. Monolog Polievkta [Text] // Sumarokov A.P. Izbrannye proizvedeniya. – L. : Sovetskiy pisatel', 1957. – S. 513–577. – (Biblioteka poeta ; 2-e izd.).
3. Buranok, O.M. Feofan Prokopovich i istoriko-literaturnyy protsess pervoy poloviny XVIII veka [Text] : monogr. – M. : Flinta : Nauka, 2014. – 448 s.
4. Vishnevskaya, I. Aplodismenty v proshloe. A.P. Sumarokov i ego tragedii [Text] : monogr. – M. : Izd-vo Lit. in-ta im. A.M. Gor'kogo, 1996. – 264 s.
5. Vsevolodskiy-Gerngross, V.N. Russkiy teatr ot istokov do serediny XVIII veka [Text] : monogr. – M. : AN SSSR, 1957. – 262 s.
6. Gus'kov, N.A. A.P. Sumarokov v mife o sozdaniy russkoy literatury [Text] // Mir russkogo slova. – 2013. – Vyp. 4. – S. 58–66.
7. Donskaya, N.A. Meditativna li psalmodicheskaya lirika A.P. Sumarokova [Text] // Tvorchestvo A.P. Sumarokova v kontekste mirovoy literatury : sb. nauch. rabot, podgotovlennyy po materialam konf., posvyashchennoy tvorchestvu A.P. Sumarokova (17 dekabrya 2008 goda) / отв. ред. S.N. Travnikov. – М. : Gos. IRYA im. A.S. Pushkina, 2009. – S. 92–100.
8. Iyul'skaya, E.G. “K tebe, o Bozhe moj, ya nyne vopiyu” (tsikl molitvosloviy A.P. Sumarokova) [Text] // Tvorchestvo A.P. Sumarokova v kontekste mirovoy literatury : sb. nauch. rabot, podgotovlennyy po materialam konf., posvyashchennoy tvorchestvu A.P. Sumarokova (17 dekabrya 2008 goda) / отв. ред. S.N. Travnikov. – М. : Gos. IRYA im. A.S. Pushkina, 2009. – S. 164–169.
9. Levitt, M. Drama Sumarokova “Pustynnik”. K voprosu o zhanrovyyh i ideynyyh istochnikah russkogo klassitsizma [Text] // XVIII vek. – SPb. : Nauka, 1993. – Sb. 18. – S. 59–74.
10. Nemirovskaya, I.D. Zhanr russkoy komicheskoy opery posledney treti XVIII veka: Genezis. Poetika. Evolyuciya [Text] : ucheb. posobie. – Samara : Samar. gos. ped. un-t, 2007. – 97 s.
11. Stennik, Yu.V. Sumarokov-dramaturg [Electronic resource] // Sumarokov A.P. Dramati-cheskie sochineniya. – L. : Iskusstvo, 1990. – Mode of access : [http://az.lib.ru/s/sumarokow\\_a\\_p/text\\_0250.shtml](http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0250.shtml) (date of access: 15.05.2017).
12. Sumarokov, A.P. Pustynnik [Electronic resource]. – Mode of access : [http://az.lib.ru/s/sumarokow\\_a\\_p/text\\_0200.shtml](http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0200.shtml) (date of access: 15.05.2017).

**A.N. Pashkurov**

#### RUSSIAN NATIONAL MYTH IN A.P. SUMAROKOV'S DRAMA “PUSTYNNIK” (“THE HERMIT”)

The article deals with originality of Alexander Sumarokov's experiment in the genre of drama illustrated by the dramatist's little known play “Pustynnik” (1757). Genesis and evolution of the writer's ideological and philosophical standpoints in this dramaturgic work are in the focus of our attention. Whereas Sumarokov inherits in a certain manner the traditions of hagiographic poetics, his primary task is to show the system of new Russian national mythology. The key pillars of national myth are: the concepts of Duty, Benefit, and new civil religiosity. As compared with other plays of Sumarokov-dramatist, the internal action, rather than the external one, prevails in

drama “Pustynnik”. The basic psychological collisions in the plot of a play are associated with the problem of moral choice. However, in contrast to the Old Russian ethical ideal, now this issue is relevant to a new ideology of a personal career profit. One starts to perceive the hero’s retirement from the world less as a moral deed, than as a conscious transition to a higher level of service to society and state. Therefore both forsaking the vanities of the world and wealth is propagandized as necessary and useful civil charity. As a result, Sumarokov depicted one of the first stages of the process of spiritual crisis of a new Russian society, which tried to substitute the super temporal moral values in the “man – God” system for a dialogue-union of ideology of a successful personality and a secular state.

*genre of drama, hagiographic traditions, national myth, secular ideology, Sumarokov.*